

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ
БОГОЛЮБСКІЙ

Очеркъ изъ русской исторіи XII вѣка.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

**АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГО-
ЛЮБСКІЙ.**

Очеркъ изъ русской исторіи XII вѣка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 16 мая 1863 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. СПИРИДОНОВА И К^о.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГО- ЛЮБСКІЙ.

Очеркъ изъ русской исторіи XII вѣка.

Въ исторіи отдѣльныхъ народовъ встрѣчаются личности, дѣятельность которыхъ, ознаменованная преобразованиемъ мѣстно-сущаго порядка вещей, а съ нимъ и всего государственнаго строя извѣстной страны, невольно обращаетъ на себя преимущественное вниманіе историка, самыхъ же дѣятелей выдвигаетъ изъ ряда людей обыкновенныхъ, и память ихъ, какъ героевъ эпохи, дѣлаетъ незабвенною соотчичамъ. Въ бытописаніи русской земли такую именно роль играетъ, съ немногими другими, и князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, который, во - первыхъ, засталъ власть надъ Русью въ спорѣ между всѣми вообще членами княжескаго рода и оставилъ эту власть сосредоточенною въ рукахъ только своей княжеской семьи, чѣмъ положилъ начало развившемуся впоследствии на Руси

*

единодержавію, а во-вторыхъ—умеръ мученически и былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ, чѣмъ стяжалъ право на особенное вниманіе къ нему современниковъ и благоговѣйное воспоминаніе о немъ потомства. Князь Андрей Боголюбскій по праву можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей русской земли, хотя замѣчательность эта заключается въ личномъ характерѣ Боголюбскаго гораздо болѣе, нежели въ заслугахъ, оказанныхъ имъ собственно русской землѣ, такъ какъ послѣднія ограничались единственно тѣмъ, что почти всю эту землю Боголюбскій успѣлъ подчинить своему безраздѣльному вліянію. Но этотъ-то успѣхъ и составляетъ весь интересъ личности Боголюбскаго, которая въ другой сферѣ или, вѣрнѣе, при иныхъ завязкѣхъ и развязкѣхъ жизни этого князя—обстоятельствахъ, собственно говоря, случайныхъ—не выдѣлилась бы такъ ярко изъ среды другихъ, во многомъ подобныхъ ей личностей древнихъ русскихъ державцевъ. Слѣдовательно, вѣрное разумѣніе и такая же оцѣнка личности и дѣятельности Андрея Боголюбскаго, могутъ добыться не иначе, какъ изъ простаго, такъ сказать, хронологическаго обзора событій его жизни, если только обзоръ этотъ будетъ свободенъ отъ увлеченія самымъ именемъ знаменитаго князя. И такой именно обзоръ, но не болѣе, постараемся мы сдѣлать въ предлагаемомъ очеркѣ.

Князь Андрей Юрьевичъ (1), прозванный Боголюбскимъ по имени имъ же основаннаго г. Боголюбова (2), былъ сынъ суздальскаго, а впоследствии кievскаго великаго князя Юрія Владиміровича, отъ брака его съ дочерью половецкаго хана Аепы, внучкою Осеневою, и по отцу приходился роднымъ внукомъ Владиміру Мономаху. Ни время, ни мѣсто рожденія Боголюбскаго въ точности неизвѣстны. Относительно перваго полагаютъ, что такъ какъ отецъ Андреевъ, князь Юрій, женился въ 1107 г. и до рожденія Андрея уже имѣлъ сына Ростислава, то Андрей долженъ былъ родиться не раньше 1109 и не позже 1112 года, съ чѣмъ согласуются и расчеты нѣкоторыхъ исторически-вѣрныхъ событій въ разные годы жизни Андреевой, и свидѣтельство Татищева, что Андрей умеръ въ 1174 г.—по однимъ извѣстіямъ на 63, а по другимъ на 65 году отъ роду (3). Что касается вопроса о мѣстѣ рожденія Андрея Боголюбскаго, то

(1) Есть извѣстіе, что до крещенія своего (?) Андрей Юрьевичъ назывался *Китаемъ*.—См. Синописисъ или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянскаго народа и проч., изд. 1762 г. с. 107.

(2) Теперь монастырь, въ 10 в. отъ губернскаго города Владиміра на Клязьмѣ.

(3) Исторія Россійская и проч., собранная и описанная В. Н. Татищевымъ, изд. 1768—1784 г. ч. III, прим. 513.

мѣстомъ этимъ почти всѣ признають Русь сѣверную, и пменно землю Ростовско-Суздальскую, гдѣ въ эпоху 1100—1112 г., по всей вѣроятности, уже княжилъ отецъ Андреевъ, котораго дѣдъ, Владиміръ Мономахъ, княжившій тогда въ Переяславѣ, не сталъ бы держать при себѣ какъ сына взрослого и женатаго (4).

Но гдѣ бы ни родился Андрей Боголюбскій, дѣтство и молодость его протекли, безспорно, въ Руси сѣверной, очевидная привязанность къ которой пробивается во всей жизни Андрея, постоянно вѣрнаго тѣмъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ, какія господствовали на сѣверѣ, а не на югѣ тогдашней Руси. Въ чемъ состояли эти убѣжденія и воззрѣнія—объяснится въ своемъ мѣстѣ; но при какихъ именно обстоятельствахъ слагались тѣ и другія въ самомъ Андрѣ — прослѣдить трудно, потому что событія жизни Андреевой рѣшительно неизвѣстны, по-крайней-мѣрѣ до 1145—1146 г., когда Андрей, человекъ уже лѣтъ за 30, впервые достойно выступаетъ на поприще историческаго дѣйствія и, по приказу отца, идетъ съ старшимъ братомъ своимъ на князя Ростислава Ярославича Рязанскаго, который, вслѣдствіе этого, бѣжитъ изъ Ря-

(4) Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, С. Соловьева, изд. 1847 г., с. 215.

зани къ половцамъ ⁽⁵⁾. Стало быть, жизнь Андрееву до 1145 — 1146 г., по необходимости, должно представлять себѣ не болѣе какъ въ общихъ чертахъ княжескаго быта того времени, который, сколько намъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что ребенка-княжича достигнувшаго 5-ти-лѣтняго возраста, торжественно постригали и сажали на коня, что называлось *постригомъ*; потомъ учили его кое-чему и преимущественно разумѣнію св. писанія; затѣмъ, подроставшій княжичъ — уже за-урядъ съ взрослыми — ѣздилъ на охоту, участвовалъ въ бояхъ; случалось даже, что вокняжался на столѣ того или другаго города; наконецъ, юношею вступалъ въ бракъ, обыкновенно съ невѣстою лѣтъ 12-ти, и обзаведясь, по образу и подобию предковъ своихъ, собственною семьею, считалъ за собою, по тому же образу и подобию, неотъемлемое право тягаться съ родичами будто бы за родовое старшинство, на самомъ же дѣлѣ — за города и волости. Понятно, что подобныя бытовые черты касались болѣе или менѣе близко и до-историческаго періода жизни Андреевой. А потому, не распространяясь объ этомъ періодѣ, остановимся нѣсколько на одномъ моментѣ его, именно на женитьбѣ кн. Боголюб-

⁽⁵⁾ Воскресенская лѣтопись относитъ это событіе къ 1145 году (См. изд. 1793 г., ч. I, с. 24 — 25); Платьевская — къ 1146 г. (с. 29).

скаго, извѣстія о которой, встрѣчающіяся не въ лѣтописяхъ, а въ разныхъ древнихъ сборникахъ, какъ-то странно перепутываются сказаніями о зачатѣ Москвы, тоже, въ свою очередь, не проверенными строгою историческою критикою. Татищевъ, имѣвшій въ рукахъ утраченные теперѣ материалы, относитъ основаніе Москвы къ 1147 г. и признавая основателемъ ея отца Андреева, Юрія, воевавшего тогда съ Кіевомъ и Новгородомъ, рассказываетъ обстоятельства женитьбы Андреевой такъ: «Юрій хотя имѣлъ княгиню любви достойную, и ее любилъ, но при томъ многихъ женъ, поданныхъ своихъ, часто навѣщалъ, и съ ними болѣе нежели со княгинею веселился, ночи кивозъ на скомонѣхъ (музыка) проигрывая и пѣя препроводилъ, чемъ многіе вельможи его оскорблялись, а младые, послѣдуя болѣе своему уму, нежели благочестному старѣйшихъ наставленію, въ томъ ему совѣтомъ и дѣломъ служили.... Жена суздальскаго тысяцкаго Кучка наиболѣе имъ владѣла, и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ. Когда же Юрій пошелъ къ Торжку, Кучка, не могши поношенія отъ людей терпѣть, ни на оныхъ Юрію жаловаться, вѣдая, что правду говорили, болѣе же княгинею возмущенъ, не пошелъ со Юріемъ, и отъѣхавъ въ свое село, взялъ жену съ собою, гдѣ ее посади въ заключеніе, намѣрился уйти ко Изяславу въ Кіевъ. Юрій, увѣдавъ о томъ,

что Кучко жену посадилъ въ заточеніе, оставя войско безъ всякаго опредѣленія, самъ съ великою яростію наскоро ѣхалъ съ малыми людьми на рѣку Москву, гдѣ Кучко жилъ, и пришедъ не испытя ни о чемъ, Кучка тотчасъ убилъ, а дочь его взявъ за сына своего Андрея, полюбя же вельми мѣсто то, заложилъ градъ и пребылъ тутъ строя, доколѣ бракъ Андреевъ свершилъ. Для онаго веселія звалъ къ себѣ Святослава и со сыномъ его Олгомъ; онъ же не отрицаяся пріѣхалъ, и съ собою привезъ Владиміра Святославича, а Олегъ, сынъ Святославль, напередъ пріѣхалъ, его же Юрій одарилъ и далъ ему пардуса. Потомъ пріѣхалъ Святославъ и принять съ великою любовію и честію, и соверша при нхъ бракъ съ великимъ торжествомъ празднуя 5 дней» (6). Въ частностяхъ, касающихся исключительно Москвы, приведенный нами рассказъ Татищева отчасти подтверждается и другими источниками, напримѣръ Воскресенскою лѣтописью (7). Не подлежитъ также сомнѣнію и другое показаніе Татищева, что жена Андрея, даже именуемая нѣкоторыми *Улитюю*, принадлежала къ семьѣ суздальскаго боярина Кучко: «Это извѣстіе достовѣрно, говоритъ Погодинъ, и мы его

(6) Ист. Рос. В. Татищева. II, 300.

(7) Полн. собр. Рус. лѣтоп. т. IX, с. 172.

принимаетъ, потому что оно согласно съ историческими вѣрными данными»⁽⁸⁾. Но въ первый или во второй разъ женился, по разсказу Татищева, Андрей, которому въ 1147 г. было далеко за 30 лѣтъ, тогда какъ князья вступали въ бракъ юношами,— изъ самаго разсказа не видно; вопросъ же о томъ, точно ли въ Москвѣ праздновалась свадьба Андрея съ Кучковною, вѣроятно навсегда останется вопросомъ. Замѣтимъ только, что связь судьбы Андреевой съ Кучковичами и по нимъ съ начальною судьбою Москвы до-сихъ-поръ остается неразрывною, по-крайней-мѣрѣ, въ мѣстныхъ преданіяхъ и сказаніяхъ народныхъ»⁽⁹⁾, а это—обстоятельство важное, которымъ не можетъ пренебречь даже строгая историческая критика.

Стало быть, эпоху 1145—1147 г. слѣдуетъ признать начальною эпохою исторически-извѣстныхъ событій жизни Андрея Боголюбскаго, который съ этого времени уже не сходитъ съ лѣтописной сцены и въ ожиданіи возможности дѣйствовать самостоятельно, постоянно принимаетъ участіе во всѣхъ

(8) «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій», М. Погодина. См. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1849. Сентябрь. Отд. II, с. 150.

(9) «Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія» Э. Буслаева. См. Лѣтописи Русской Литературы и Древности, И. Тихонравова, изд. 1862, т. IV, с. 3—24.

военныхъ и политическихъ предиріятіяхъ отца своего, Юрія суздальскаго. А такъ какъ всѣ военныя и политическія предиріятія послѣдняго почти исключительно ограничивались южною Русью, или Русью собственно, съ которою Юрія, уроженца южно-русскаго, не переставали связывать и нестарѣющія воспоминанія дѣтства и незасыпавшія надежды сѣсть раньше или позже на столѣ кievскомъ, то эта же южная Русь необходимо должна была стать раньше или позже и ратнымъ поприщемъ сыновей Юрьевыхъ. Подобную роль въ отношеніи къ Андрею южная Русь начала играть не ранѣе какъ съ 1149 г., когда Юрій, потерявшій къ этому времени всѣхъ старшихъ братьевъ своихъ, кромѣ Вячеслава, и уже три года нетерпѣливо слѣдившій борьбу за кievскій столѣ Ольговичей черниговскихъ съ Мстиславичами волынскими, увидѣлъ, наконецъ, на кievскомъ столѣ представителя послѣднихъ — Изяслава и, желая дѣломъ заявить этому племяннику свои права дяди, а вмѣстѣ наказать Изяслава и за подсылку новгородцевъ пустошить границы суздальскія, и за изгнаніе изъ южной Руси сына Юріева, Ростислава, княжившаго въ Переяславѣ, — двинулъ къ Киеву всю рать суздальскую, подкрѣпленную дружинами Святослава Ольговича, который, въ свою очередь, шелъ отомщать Изяславу смерть брата своего Иго-

ря, безчеловѣчно умерщвленнаго кіевлянамъ, — въ чемъ, замѣтимъ мимоходомъ, Изяславъ виновать не былъ. По вступленіи въ предѣлы южной Руси, теперь впервые увидѣнной Андреемъ, полки Юріевы и Святославовы сошлись съ полками Изяславовыми подъ Переяславомъ, у с. Янчина, — и здѣсь, начальствуя съ братомъ Ростиславомъ правымъ крыломъ полковъ отцовыхъ, Андрей участвовалъ въ кровавой сѣчѣ 25 августа 1149 г., доставившей Юрію и побѣду надъ Изяславомъ съ союзниками его Давидовичами Черниговскими, и давно желанный Юріемъ столъ кіевскій. Потомъ, когда Юрій, въ качествѣ великаго князя кіевскаго, началъ раздавать сыновьямъ своимъ окрестные удѣлы, Андрею Юрьевичу достался Вышгородъ, — нынѣшнее село, въ 7 в. выше Кіева. Однако, посидѣвъ тутъ очень недолго, Андрей, въ силу новаго ряда Юріева съ Вячеславомъ, долженъ былъ передать Вышгородъ Вячеславу, а самъ пошелъ съ отцомъ на Вольты, куда Юрій рѣшился преслѣдовать разбитаго имъ Изяслава, которому собирались помочь венгры. Въ этомъ походѣ, облегченномъ для Юрія несостоявшимися сборами венгровъ, Андрей, вмѣстѣ съ братомъ предводительствовавшій передовымъ полкомъ, нашелъ случаи выказать и стойкое мужество и блестящую храбрость. Такъ, въ моментъ неожиданнаго бѣгства союзныхъ Юрію половцевъ съ

ночлега у м. Муравницъ (между Дубномъ и Луцкомъ), Андрей не испугался происшедшаго всполоха и не бросился назадъ, какъ сдѣлалъ братъ его, но спокойно стоялъ на мѣстѣ, не смотря на доводы дружины, говорившей ему: «поѣди, княже, прочь; аже ли доживемъ сорома?» и отѣхалъ къ брату не ранѣе какъ на разсвѣтѣ, когда убѣдился въ чемъ дѣло и понялъ, что враговъ никого нѣтъ, а одному ему дѣлать нечего. Когда же братья, шедшіе отъ Дубно разными дорогами, стали приближаться къ Луцку, куда, съ другой стороны, подходилъ и самъ Юрій, то Андрей, замѣтивъ, что отрядъ луцкихъ пѣшцевъ, дѣлавшій вылазку изъ города, можетъ быть отрѣзанъ, стремительно бросился съ дружиною на этотъ отрядъ, настигъ его, изломалъ копые въ первомъ супротивнѣ, заставилъ пѣшцевъ спасаться по греблѣ въ городъ, гнался за ними, въ запальчивости далеко опередилъ дружину всего съ двумя отроками и «объступленъ бысть ратными, говоритъ лѣтописецъ; и гнаста по немъ, ятъ бо бѣ двѣма копіема подъ нимъ конь, а третьимъ въ переднй лукъ сѣделный, а съ города яко дождь каменіе метаху нанъ; единъ же отъ нѣмчичь видѣвъ и хотѣ просунути рогатиною, но Богъ сблуде и» (10). Андрею, подлѣ котораго уже

(10) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, с 47.

паль одинъ изъ двухъ отроковъ его, дѣйствительно грозила тогда чрезвычайная опасность. Однако сынъ Юріевъ, успѣвъ какъ-то ловко отмахнуться мечомъ отъ рогатины нѣмчича и даже на смерть поразить послѣдняго, успѣлъ въ то же мгновеніе повернуть своего коня—и израненный конь вынесъ князя изъ свалки, домчалъ его къ своимъ, но тутъ же издохъ отъ изнуренія и былъ честно погребенъ признательнымъ Андреемъ на берегу р. Стыри⁽¹¹⁾. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что храбрость Андреева заслужила тогда Андрею всеобщее одобреніе окружающихъ отца его, которые «похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывшихъ всихъ ту»⁽¹²⁾. Самъ же Андрей, явивъ ратную доблесть свою, не замедилъ явить и расположеніе къ миролюбію, потому что вмѣстѣ съ Владиміромъ Галцкимъ,—но вопреки желанію брата своего Ростислава и союзника отца, Юрія Ярославича Муромскаго—просилъ отца уладиться съ Изяславомъ, желавшимъ окончить тягостную для него войну, однако не иначе, какъ подъ условіемъ признанія Вячеслава великимъ княземъ Киевскимъ и удержанія за собою Владиміра Волынскаго, а также даней

⁽¹¹⁾ Карамзинъ говоритъ, что Андрей поставилъ надъ могилою коня памятникъ. См. Исторію Государства Россійскаго, Н. Карамзина, изд. 5-е, т. II, с. 143.

⁽¹²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, с. 47.

Новгородскихъ. «Отце господине, говорилъ тогда Юрію Андрей, помяни слово писаное: се коль добро еже жити братьѣ вкупѣ.... не слушай Ярославица, примири сыновца (племянника) къ собѣ, не губи отцины своея; миръ стоитъ до рати, рать до мира» (13). Послушавъ храбраго Андрея, Юрій далъ миръ Изяславу, уговорилъ Вячеслава обмѣняться Кіевомъ на Вышгородъ, назначилъ сыну Ростиславу Переяславъ, а самъ безопасно сидѣлъ съ Андреемъ въ Кіевѣ, чѣмъ, разумѣется, не замедлилъ воспользоваться Изяславъ, дружины котораго въ слѣдующемъ же 1150 г. внезапно явились къ Кіеву, что заставило Юрія бѣжать въ родовой его Городецъ, нынѣшнее мѣстечко Остерскаго уѣзда Черниговской губерніи. Изъ Городца Андрей былъ посланъ отцомъ на помощь Ростиславу въ Переяславъ, отъ котораго успѣлъ отбить Изяславова сына Мстислава, а потомъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ, помогалъ отцу вторично овладѣть Кіевомъ, послѣ чего опять ходилъ въ Переяславъ для примиренія союзныхъ половцевъ и вскорѣ получилъ себѣ въ удѣлъ города: Туровъ, Пинскъ, Дорогобужъ и Пересопницу. Сюда, въ Пересопницу (нынѣшнее мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи), тою же зимою пришли по-

(13) Тамъ же и стр. 48.

слы Иязславовы сказать Андрею отъ имени князя своего: «брате! въведи мя къ отцу въ любовь». Но Андрей понялъ, что Иязславъ хитритъ и подсылаетъ къ нему, «розирая нарядъ его и какъ городъ стоитъ»; а потому, соединившись съ Владиміромъ Галицкимъ, Андрей рѣшился всюду преслѣдовать Иязслава, что и выполнялъ неутомимо до тѣхъ поръ, пока вѣсть о неожиданномъ вторженіи венгровъ въ галицкія владѣнія не заставила, съ одной стороны, Владимірка прекратить всякое преслѣдованіе, и не помогла, съ другой, Иязславу, имѣвшему при себѣ тоже отрядъ венгровъ, напасть въ расплохъ на Бѣлгородъ, выгнать отсюда брата Андреева, Бориса, а потомъ взять *изъездомъ* и самый Кіевъ, изъ котораго безпечный Юрій вторично бѣжалъ въ свой городокъ Остерскій, куда не замедлил явиться къ отцу и храбрый Андрей. Положеніе Юрія становилось на этотъ разъ тѣмъ безотраднѣе, что самъ Владимірко Галицкій, успѣвшій кое-какъ сладить съ венграми, открыто вознегодовалъ на безславное бѣгство союзника своего изъ Кіева и уѣхалъ въ Галичъ, прямо сказавъ Андрею: «Како есть княженіе свата моего, аже рать нань изъ Владиміра идетъ, како того не увѣдати? а ты сынъ его сидиши въ Пересопниці, а другый въ Бѣлгородѣ, како того не устеречи? Оже тако княжите съ своимъ отцемъ,

а правите сами; а язъ не могу на Изяслава одинъ пойти» (14).

Но Юрій не былъ способенъ равнодушно переносить потерю Кіева, а потому, призвавъ на помощь старыхъ друзей своихъ—Святослава Ольговича съ нѣкоторыми черниговскими князьями, черяславцевъ, половцевъ—началъ съ 1151 г. новую войну противъ вел. кн. кіевского, въ которой и Изяславъ, и Андрей снова оказались достойными соперниками другъ друга. Первый изъ нихъ долго препятствовалъ переправѣ враговъ черезъ Днѣпръ, для чего, по свидѣтельству лѣтописца, «исхитрилъ лодѣ дивно: бѣша бо въ нихъ гребци гребуть невидимо, токмо весла видѣти, а человекъкъ баше не видѣти, бяхуть бо лодѣ покрыты досками, бяхуть же борци стояще горѣ во бронеяхъ и стрѣляюще, а кормника 2 бѣста, одинъ на кормѣ, а другой на носѣ, и аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающа лодьями» (15). Что касается Андрея, онъ, по приближеніи отца къ Кіеву, сначала долго бился черезъ р. Лыбедь, потомъ переправился за эту рѣку съ однимъ половцемъ и запальчиво преслѣдуя врага, доскакалъ до самыхъ полковъ Изяславовыхъ, гдѣ очутился почти одинъ и навѣрное погибъ бы,

(14) Тамъ же, с. 56.

(15) Тамъ же, т. I, с. 142—143.

еслибъ; на счастье его, не случился тутъ одинъ половчинъ, который схватилъ за узду коня Андреева и оттащилъ его назадъ, «лая» братью свою, половцевъ, за чѣмъ такъ далеко отстали отъ князя. Битва эта была однако проиграна Юріемъ, который, узнавъ о движеніи въ помощь ему полковъ Владимірка Галицкаго, поспѣшилъ отступить отъ Кіева на соединеніе съ старымъ союзникомъ своимъ, хотѣлъ, но не успѣлъ, занять мимоходомъ Бѣлгородъ и у р. Рута, нынче Ротокъ, былъ настигнутъ Изяславомъ. Здѣсь, на Перепетовѣ полѣ, произошла жестокая и кровопролитная битва, въ продолженіи которой Изяславъ, не жалѣя себя, бросался въ самый пылъ сѣчи, изломалъ копьѣ, былъ раненъ, сброшенъ съ коня и въ свалкѣ едва не взрубленъ собственными воинами, а Андрей, изрядивъ полкъ отца своего, потомъ устроивъ половцевъ, наконецъ, ободривъ собственную дружину, первый понесся на враговъ, среди которыхъ конь его, раненый копьемъ въ ноздри, захрапѣлъ, взбѣсился, сбилъ съ Андрея шлемъ, вышибъ у него щитъ—и только божію заступленію да молитвамъ отца приписывали тогда современники чудесное спасеніе знаменитаго сына Юріева. Впрочемъ, и на Перепетовѣ полѣ, какъ прежде подъ Кіевомъ, храбрость Андреева не принесла существенной пользы, потому что бывшіе въ полку его половцы

первые дали тылъ, ихъ примѣру послѣдовали союзники Юрія, черниговцы, за которыми побѣжалъ и самъ Юрій съ сыновьями. Побѣда осталась на сторонѣ Изяслава, а побѣжденные укрылись въ Переяславѣ, откуда Юрій перешелъ въ Остерскій городокъ и тутъ волею - неволею далъ слово побѣдителю — уйти черезъ мѣсяць въ Суздадь. Но Андрей не сталъ дожидаться этого срока и, по одному лѣтописному свидѣтельству, «испросися у отца напередъ Суздалю, рѣка: «се намъ уже, отце, здѣ у русской земли на рати ничтоже, а за тепла уйдемъ» (16); по другому же «оттолѣ (изъ Городца) иде отъ отца своего Суздалю, а отцю же встѣгавшию его много... и иде въ свою волость Володимери» (17).

Какъ бы то ни было, Андрей съ радостію покидалъ южную Русь, распорядокъ и смуты которой не могли нравиться ему, питомцу сѣвера, не привыкшему смотрѣть на Кіевъ глазами южно - русскихъ родичей своихъ и, слѣдовательно, не видѣвшему цѣли въ непрерывномъ ратованіи за право сидѣть въ этомъ Кіевѣ. Однако, подобное воззрѣніе Андрея весьма различествовало отъ воззрѣнія отца его, что и оказалось не далѣе, какъ въ слѣ-

(16) Тамъ же, т. II, с. 650.

(17) Тамъ же, т. I, с. 144.

дующемъ же 1152 г., когда Юрій, увѣдомаясь о сожженіи Изяславомъ городка Остерскаго, сказалъ: «Я отожду ему противу»—и снова двинулся съ сыновьями въ южную Русь, гдѣ осадилъ Черниговъ, подъ стѣнами котораго Андрей отличался по прежнему, но опять безъ пользы, потому что Юрій не взялъ города и поспѣшилъ до заморозковъ уйти во-своясп. Въ 1154 г. Андрей снова сопутствовалъ отцу, выступившему къ Кіеву и, по случаю конскаго падежа, возвратившемуся отъ Козельска, а вслѣдъ затѣмъ, и отецъ и сынъ ходили войною на сосѣда ихъ и союзника кіевскаго, Ростислава Рязанскаго, тогда же выгнавшаго ямъ изъ Рязани, которую Юрій отдалъ Андрю. Но въ томъ же году Ростиславъ привелъ къ Рязани ловцевъ и ударилъ съ ними на городъ такъ неожиданно, что находившійся тутъ Андрей едва-едва спасся, «не успѣвъ даже обуть другаго сапога», и одинъ, безъ дружины—частію перетонувшей въ Окѣ, частію заспанной въ ямѣ по приказанію Ростислава—прибѣжалъ въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль ⁽¹⁸⁾. Между тѣмъ, въ Кіевѣ умеръ великій князь Изяславъ, блестящее подобіе дѣда своего Мономаха; за Изяславомъ вскорѣ же умеръ

(18) Повѣствованіе о Россіи, Н. Арцибшева, изд. 1838. т. I, кн. II, с. 146—149.

и дядя его, старецъ Вячеславъ, сынъ Мономаховъ, отнюдь не напоминая собою знаменитаго отца своего, — и на кievскомъ столѣ сядились одинъ за другимъ то братъ умершаго великаго князя, Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, то князь Изяславъ Давидовичъ Черниговскій. Событія эти, конечно, не могли не возбудить старыхъ надеждъ стараго Юрія. — и Юрій, сознавая теперь себя настоящимъ и неоспоримо — законнымъ преемникомъ правъ брата своего Вячеслава, со всѣми сыновьями и воими пошелъ, въ 1155 г., изъ Суздаля къ Кіеву, откуда заблаговременно поспѣшилъ выѣхать князь Черниговскій. Сѣвъ въ третій разъ на столѣ кievскомъ, Юрій въ третій разъ принялся раздавать сыновьямъ окрестныя удѣлы, при чемъ Вышгородъ опять достался Андрею, вѣроятно потому, что Юрій желалъ имѣть подлѣ себя именно Андрея, какъ храбрѣйшаго, а послѣ смерти Ростислава Юрьевича и старѣйшаго изъ дѣтей своихъ.

Не смотря однако на прочное и безопасное, по видимому, положеніе самаго Юрія въ Кіевѣ, а сыновей его въ удѣлахъ, новый князь Вышегородскій и теперь, какъ прежде, тяготился пребываніемъ въ южной Руси. Андрея какъ будто тянуло на сѣверъ, съ которымъ роднили этого сына Юріева и привычка, и воспоминанія дѣтства, и

родственныя связи. Послѣднія, какъ видно, играли довольно важную роль въ рѣшеніи Андреевымъ навсегда оставить югъ, потому что лѣтописецъ, повѣствуя объ удаленіи Андрея изъ Вышгорода, прямо говоритъ «его же лестію подъяша Кучковичи» (19). Но и помню «лести Кучковичей», не слишкомъ убѣдительною для г. Соловьева (20), Андрея могла заманивать на сѣверъ перспектива власти болѣе безраздѣльной и болѣе удобной даже въ отношеніи самой территоріи, чѣмъ власть, какою пользовался князь южно - русскіе, черезъ - чуръ близко сосѣдственіе другъ съ другомъ, отчего между ними раздался непрерывныя столкновения, которыми, въ свою очередь, ипталась нескончаемая распря. Это - то обстоятельство, въ связи съ «лестію Кучковичей», было, кажется намъ, едва ли не главнѣйшимъ побужденіемъ Андрея удалиться на сѣверъ, куда сынъ Юріевъ, какъ огазалось послѣ, шель съ вѣрнымъ расчетомъ не пмѣтъ себѣ соперниковъ. Подобный расчетъ Андрея подтверждается еще болѣе тѣмъ, что этотъ сынъ Юріевъ покинулъ Вышгородъ, не получивъ на то согласія отца: «иде Андрей отъ отца своего изъ Вышгорода въ Суждаль *безъ отчъ вольт*», говоритъ лѣтописецъ (21).

(19) Ист. Гос. Рос. т. II, прим. 383.

(20) Ист. отнош. п д., С. Соловьева, с. 217.

(21) Поли. Собр. Рус. Лѣт. т. II. с. 78.

Удаленіе Андреево на сѣверъ состоялось въ 1155 г. Онъ вышелъ изъ Вышгорода тайкомъ отъ всѣхъ, ночью, взявъ съ собою только жену, дѣтей, дружину и образъ пресвятыя Богородицы, находящійся теперь въ московскомъ успенскомъ соборѣ и называемый *владимірскимъ*, о которомъ черезъ клириковъ Вышгородскаго монастыря, гдѣ стоялъ онъ по привезеніи его Греціи, дошли до Андрея разныя чудныя сказанія, что напримѣръ образъ этотъ однажды самъ собою сошелъ съ мѣста и стоялъ посреди церкви на воздухѣ; въ другой разъ—обратился ликомъ къ алтарю и проч. (22). Благодаря присутствію того же образа, путешествіе Андреево отъ Вышгорода до Суздаля описано Степенною Книгою какъ исполненное многихъ знаменій, изъ которыхъ извѣстнѣе другихъ одно, послужившее, какъ утверждаютъ, причиною основанія города — нынче монастыря — Боголюбова, давшаго прозвище свое и самому основателю кн. Андрею. Знаменіе это, по сказаніямъ, состояло въ слѣдующемъ: когда Андрей и спутники его миновали Владиміръ и, направляясь къ Суздалью, слѣдовали необитаемымъ, лѣсистымъ мѣстомъ между р. Клязьмою и Нерлюю, кони, везшіе образъ пресвятыя Богородицы, внезапно остановились, и,

(22) Сказаніе о чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Владимірскою, изд. 1857 г., с. 12.

не смотря на всѣ понужденія возницъ, не двигались съ мѣста, что продолжалось и по церестановкѣ образа съ колесъ на сани. Признавъ такое происшествіе чудомъ, набожный князь трепетно удалился въ свой шатеръ, и тутъ, въ самую полночь, во время уединеннаго, слезнаго моленія Андреева передъ вышгородскою иконою, предстала князю сама Богородица, съ собственноручнымъ заявленіемъ, что ей не угодно намѣреніе Андреево идти въ :емлю ростовскую. «Остановись здѣсь»; сказала князю Представшая: «устрой обитель и храмъ въ память моего рождества. Я умолю Сына моего и Бога, да благословитъ онъ это мѣсто». Пораженный священнымъ восторгомъ, Андрей пожелалъ навсегда сохранить себѣ черты дивнаго видѣнія и велѣлъ изобразить Богородицу въ томъ самомъ видѣ, какъ являлась она ему; «изографн (иконописцы) же—добавляетъ рукописное житіе этого князя—написаша образъ со многимъ благоговѣнствомъ, постомъ и молитвою, и кропленіемъ отъ святыхъ воды, яко же повелѣ имъ великій князь, и принесоша къ нему; онъ же видѣвъ той образъ повелѣ іереовн освятити, и нарече князь Андрей образъ новонаписанъ, образомъ *Боголюбвымъ* Божія Матери» (23). На мѣстѣ явленія Богородицы Андрей

(23) Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей, соч. іер. Іоасафа. Изд. 1857, с. 52.

немедленно заложилъ церковь во имя рождества ея, гдѣ и поставилъ вышгородскій образъ; потомъ, неподалеку отъ первой, воздвигнулъ другую церковь, во имя св. Леонтія, въ день памяти котораго, 18 іюня, совершилось самое явленіе; а впоследствии тутъ же учредилъ иноческую обитель, около которой исподоволь застроилъ цѣлый «городъ камень, именовъ Боголюбый» (24) и «велими—сказано въ житіи—мѣсто оно любляше великій князь Андрей и живяше ту».

Основавшись при такихъ знаменіяхъ въ принадлежавшемъ ему издавна Владимірѣ, Андрей жилъ здѣсь до самаго 1157 г., т. е. до смерти Юрія въ Кіевѣ, когда, бывъ провозглашенъ княземъ суздальцевъ, ростовцевъ и владимірцевъ, уже не находилъ приличнымъ для себя оставаться во Владимірѣ, слышавъ пригородомъ Суздаля, и переселился въ Суздаль. Избраніемъ Андрея въ князья Суздаля, Ростова и Владиміра, конечно, нарушалось предсмертное желаніе Юрія, завѣщавшаго эти города младшимъ сыновьямъ своимъ: Мстиславу, Васильку и Всеволоду; но избиратели, руководясь не Юріевымъ, а собственнымъ желаніемъ, не хотѣли инаго князя, кромѣ Андрея, «занеже, говорить лѣтописецъ, бѣ любимъ всѣми за премногую

(24) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, с. 111.

его добродѣтель, юже нмаше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подѣ нимъ» (25). Однако переселясь въ Суздаль, Андрей зачастую ѣзжалъ оттуда на охоту въ окрестности Владиміра; потомъ, не далѣе какъ въ 1158 г., заложилъ въ самомъ Владимірѣ соборную церковь Успенія, а потомъ и со всѣмъ переѣхалъ, по прежнему, во Владиміръ, ставшій съ тѣхъ поръ не пригородомъ Суздаля, а стольнымъ городомъ всей сѣверной Руси. Здѣсь, во Владимірѣ, Андрей прежде всего озаботился внѣшнимъ украшеніемъ самага Владиміра, въ которомъ, по повелѣнію князя, начали воздвигаться каменные храмы, золотыя и серебряныя ворота, разныя другія зданія, а въ 1160 г. былъ освященъ и успенскій соборъ, заложенный Андреемъ въ 1158 году. О великолѣпіи этого собора, изумлявшемъ въ свое время и русскихъ, и иностранцевъ, лѣтописецъ повѣствуетъ такъ: «И досиѣ (Андрей) церковь камену сборную святяя Богородицы, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и ѣ верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устроп, каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочыи удиви ю, и многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь,

(25) Тамъ же, т. I, с. 154.

а онѣбонъ отъ злата и серебра устрои, а служеб-ныхъ съ судѣ и рипидѣи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велици, иже отъ злата чиста отъ каменя многоцѣнна устрои, и всеми виды и устроеньемъ подобна быста удивленію Соломоновѣ Святая Святыхъ... верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же птахы золоты и кубгы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ ооло» ⁽²⁶⁾.

Занятый, какъ казалось, только храмозданіемъ да градостроеніемъ, Андрей, въ то же время, отнюдь не упускалъ изъ вида ни управленія внутренняго, ни политики внѣшней, по-крайней-мѣрѣ, на сколько то и другое могло способствовать расширенію его единойдержавіа. Тамъ, не считая себя обязаннымъ давать кому бы то ни было отчетъ въ распоряжѣніи дѣлъ внутреннихъ, Андрей, едва ли не на самыхъ первыхъ порахъ княженія своего, уволилъ на всѣ четыре стороны «мужи передніи отца своего», вѣроятно потому, что «мужи» эти, привыкнувъ быть ближайшими совѣтниками Юрія, хотѣли оставаться тѣмъ же и во дни Андрея. Од-

⁽²⁶⁾ Тамъ же, т. II с. 112.

нимъ словомъ, Андрей любилъ быть — и дѣйствительно былъ — у себя дома полноправнымъ распорядителемъ всего, чѣмъ не могъ похвалиться ни одинъ изъ современныхъ Андрею великихъ князей кievскихъ, громкій титулъ которыхъ, вовсе не илѣнялъ собою почти неограниченнаго государя всей сѣверной Руси, хотя неограниченность эта достиглась отчасти и тѣмъ, что Андрей въ 1162 г. не задумался выгнать изъ сѣверной Руси и удалить въ Грецію не только племянниковъ, но и младшихъ братьевъ своихъ: «се же створи,—поясняетъ лѣтописецъ—хотя самовластецъ быти всей суждальской земли» (27). Что касается вѣшной политики Боголюбскаго, характеръ ея ничѣмъ не отличался отъ характера внутреннихъ распоряженій этого князя. Такъ, въ 1160 г., празднуя въ Волоколамскѣ свадьбу дочери своей Маріи—по другимъ Ростиславы—съ кн. Святославомъ Владиміровичемъ Вщижскимъ (28). Андрей послалъ сказать новгородцамъ: «Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ себѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти»—«и оттолѣ, добавляетъ отъ себя лѣтописецъ,

(27) Тамъ же, с. 91.

(28) Вщижъ — теперь село въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи

начаша ся новгородци мясти я вѣче часто начаша творити» (29), что, на этотъ разъ, кончилось призываніемъ въ Новгородъ племянника Андрея, Мстислава Ростиславича, такъ какъ Андрей не хотѣлъ дать Новгороду ни одного изъ сыновей своихъ а сами новгородцы не хотѣли принять къ себѣ ни одного изъ братьевъ Андреевыхъ. Если же, Андрей и согласился въ 1161 г. вывести изъ Новгорода племянника своего и ввести туда сына в. к. кievскаго Ростислава Мстиславича, Святослава, то сдѣлалъ это только потому, что *уладился* съ вел. княземъ, уступившимъ Андрею, кажется, Двинскую дань (30). И такъ какъ не ладить съ Андреемъ становилось вообще невыгоднымъ не для Андрея, то можно думать, что къ этому же времени относится начало *подручности* Андрею ближайшихъ сосѣдей суздальской области, князей мурома - рязанскихъ, эпоху подчиненія которыхъ влиянію суздальскому въ точности опредѣлить трудно, хотя видно, что тотъ или другой изъ нихъ постоянно участвуютъ въ походахъ Андреевыхъ, какъ князья подручные (31).

(29) Полн. собр. Рус. Лѣт. т. II, с. 88.

(30) Тамъ же, т. III, с. 13.—«Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій», М. Погодина, см. Москвитянинъ. 1849. № 19 отд. I, с. 185.

(31) Исторія Рязанскаго княжства, Д. Иловайскаго. Изд. 1858 г. с. 51.

Обставившись такъ благопріятно на далекомъ отъ Кіева русскомъ сѣверѣ, Андрей хотѣлъ напомнить современникамъ и прежнюю воинскую славу свою, а потому сказалъ рать на камскихъ болгаръ и въ 1164 г. пошелъ съ суздальскими полками за Оку и Волгу, сопровождаемый сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ, муромскимъ княземъ Юріемъ и вышгородскимъ образомъ Богородицы. Походъ этотъ, предпринятый, можетъ быть, по внушенію подручныхъ Суздаля князей мурома - рязанскихъ, искавшихъ случая отмстить болгарамъ за нашествіе ихъ въ 1155 г., ознаменовался разбитіемъ многочисленнаго войска самого царя болгарскаго, — который «утече до Великаго города» — и взятіемъ славнаго болгарскаго города Бряхимова, а потому былъ приписанъ чудодѣйственной помощи того же вышгородскаго образа. Замѣтимъ кстати, что совпаденіе на одинъ и тотъ же день двухъ побѣдъ христіанъ надъ невѣрными — Андрея Боголюбскаго надъ болгарами и греческаго императора Мануила надъ сарацинами — послужило поводомъ къ установленію особаго праздника, ежегодно совершаемаго православною церковью 1-го августа (32).

(32) Прологъ подъ 1 августа. Тутъ сказано, что праздникъ этотъ установилъ въ 1164 г. патріархъ Лука, російск. митроп. Константиинъ и ростовскіе епископъ Несторъ. Но Карамзинъ замѣчаетъ, что митроп. Константиинъ умеръ за 5 л до

По возвращеніи изъ-болгарскаго похода съ новыми лаврами, Андрей спокойно продолжалъ управлять изъ Владиміра всѣмъ русскимъ сѣверомъ и не возмущался ничѣмъ до самаго 1167 г., въ которомъ смерть вел. кн. кіевскаго Ростислава Мстиславича измѣнила положеніе дѣлъ не только въ южной, но и въ сѣверной Руси. Тутъ, на сѣверѣ, смерть Ростислава отозвалась возстаніемъ новгородцевъ противъ сына его, Святослава, который въ качествѣ сына вел. кн. кіевскаго и какъ подручникъ сильнаго кн. суздальскаго, первый изъ всѣхъ князей новгородскихъ сидѣлъ въ Новгородѣ «на всей волѣ своей», что, разумѣется, не могло нравиться новгородцамъ, издавна привыкшимъ заключать съ приглашаемымъ княземъ тотъ или другой *рядъ*. А потому, свѣдавъ о кончинѣ вел. князя, новгородцы *показали путь* отъ себя Святославу, поклялись «не хотѣть его» и отправили посольство въ Кіевъ къ новому вел. кн. Мстиславу Изяславичу, съ приглашеніемъ одного изъ сыновей Мстиславовыхъ въ Новгородъ. Но ни изгнанный Святославъ, ни изгонявшій другихъ Андрей суздальскій не были довольны дѣйствіями новгородцевъ—и первый изъ нихъ удалился къ То-

того, именно *въ 1159 г.* См. Ист. Гос. Рос. Н. Карамзина, т. II. прим. 408.

ропцу, а потомъ на Волгу, куда послѣдній прислалъ къ нему подмогу, съ которою Святославъ пожегъ у новгородцевъ Торжокъ, между тѣмъ какъ братья Святославы, кн. смоленскіе, сдѣлали тоже съ Великими-Луками, а самъ кн. суздальскій слалъ новгородцамъ рѣшительное слово: «нѣту вамъ князя иного развѣ Святослава». Тогда новгородцы ожесточились, убили приверженца Святослава посадника Захарія и въ 1168 г. радостно встрѣтили коекакъ пробравшагося къ нимъ изъ Кіева Романа Мстиславича, который, мстя за обиды новыхъ подданныхъ своихъ, опустошилъ землю полоцкую и сжегъ Торопецъ.

Прибытіе Романа въ Новгородъ до того раздражило «самовластца» суздальскаго, что онъ рѣшился наказать поочередно и вел. князя кіевскаго, отца Романова, и новгородцевъ. Съ этой цѣлью Андрей собралъ подъ стяги свои, кромѣ собственныхъ полковъ, дружины многихъ городовъ—Смоленска, Перемыслава, Чернигова, Дорогобужа, Овруча, Вышгорода и пр.—и, ввѣривъ начальство надъ всею ратью воеводѣ Борису Жидиславичу, при которомъ, въ числѣ 11 князей, находились сынъ Боголюбскаго Мстиславъ и братъ Андреевъ Всеволодъ, отправилъ Жидиславича къ Кіеву, а самъ остался въ Суздальѣ. Въ мартѣ 1169, полки Андреевы обступили Кіевъ и, не смотря на мужественную защиту вел.

князя, вспомоцествуемаго торками и берендеями, на 4-й же день взяли городъ приступомъ, послѣ чего пѣ-
лше три дня грабилъ церкви и монастыри кievскіе,
а дома предавалъ огню и «бысть въ Кіевѣ,—гъ-
ворить тамошній лѣтописецъ—на всихъ человекѣхъ
стенаніе и туга, и скорбь неутѣшима, и слезы
непрестанныя. Сія же вся содѣяся грѣхъ ради на-
шихъ» (33). Вел. князь бѣжалъ на Волинь, оста-
вивъ въ рукахъ побѣдителей и семью и бояръ
своихъ, а сынъ Андреевъ, исполняя волю отца, по-
садилъ на кievскомъ столѣ брата Андреева, Глѣба
Юрьевича, чему, разумѣется, никто не дерзнулъ
противиться.

Слѣдовательно, самовластцу суздальскому, упро-
чивавшему теперь сѣверно-русское вліяніе Суздаль-
на Русь южную, оставалось смирить единственнаго
врага суздальскихъ порядковъ — Новгородъ. Го-
товясь къ этому, Андрей желалъ предварительно
перетянуть на свою сторону подвластныхъ Нов-
городу двинянъ и послалъ въ двинскую землю
7 тысячный отрядъ суздальцевъ. Но данникъ нов-
городскій, Даньславъ Лазутиничъ, собравшіи тог-
да дань за Волокомъ, не задумался съ 400 чел.
своихъ ударить на 7 тыс. суздальцевъ--и, на голову
разбивъ послѣднихъ, взялъ дань не только на двиня-

(33) Поля. собр. Рус. Лѣт. т. II. с. 100.

нахъ, но и на «суздальскихъ смердехъ» (34). Усиѣхъ Лазутинича очень разсердилъ Андрея. Пылая мщеніемъ, самовластецъ суздальскій двинулъ на Новгородъ страшную рать, въ рядахъ которой однихъ князей насчитывалось 72, «и толико бысть множество вой, говорить лѣтописецъ, яко и числа нѣтъ» (35). Рать эта, предводимая, по прежнему, Борисомъ Жидиславичемъ и сыномъ Андрея, Мстиславомъ, явилась передъ Новгородомъ въ февралѣ 1170 г. и тучею облегла городъ, защитники котораго бодрствовали за двойнымъ рядомъ деревянныхъ укрѣпленій, подъ начальствомъ мужественныхъ кн. Романа и посадника Якуна. Большинство современниковъ, всегда завидовавшее исключительному положенію новгородцевъ, теперь считало Новгородъ уже погибшимъ и набожно поговаривало: «не глаголемъ же: прави суть новгородци, яко издавна суть свободени правды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ прежніи князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти, а крестъ честный цѣловавшие ко впукомъ ихъ и правнукомъ, то преступати? то доколѣ богови терпѣти надъ ними? за грѣхи навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея» (36), а подручники Ан-

(34) Тамъ же, т. IV. с. 12.

(35) Тамъ же, т. II. с. 105.

(36) Тамъ же, т. I. с. 174.

древы, увѣренные въ несомгѣнномъ успѣхѣ начатой осады, уже дѣляли мысленно сокровища новгородскія. Но, къ общей для всѣхъ неожиданности, осада Новгорода кончилась побѣдою новгородцевъ, и такую рѣшительную, что обращенные въ бѣгство суздальцы сдавались въ полонъ тысячами, и сотнями продавались потомъ на новгородскихъ рынкахъ, по 2 погаты (15 коп. сер. съ небольшимъ) каждый⁽³⁷⁾. Само собою разумѣется, что подобный оборотъ дѣла былъ объясняемъ въ то время не ошибками суздальцевъ, черезъ-чуръ вѣровавшихъ въ непремѣнную удачу, и не отчаянною храбростію самихъ новгородцевъ, отстаивавшихъ свою свободу, а просто — дѣйствіемъ чуда. Такъ повѣствуютъ, что новгородскій архіепископъ Ілія (въ схимѣ Іоаннъ), молясь, ночью, о спасеніи осажденнаго суздальцами Новгорода, внезапно почувствовалъ трепеть и услышалъ гласъ свыше: «Иди въ церковь Господа нашего Іисуса Христа, яже на Ильинѣ улицѣ, и тамо возьми образъ Пречистыя Богородицы, вознеси на стѣны града противу супостатомъ и абіе узриши спасеніе граду чудное.» Обрадованный архіепископъ, дождавшись наступленія утра, послалъ протодіакона за указаннымъ образомъ, а самъ началъ моле-

(37) Тамъ же, т. III, с. 15. т. IV, с. 12.

бенъ Богородицѣ. Но указанный образъ никакъ не давался въ руки протодіакону, что и продолжалось до тѣхъ-поръ, пока не явился въ Ильину церковь самъ архіепископъ, который, собственно взявъ образъ, вынесъ его изъ церкви на городскую стѣну и съ нимъ, въ сопровожденіи крестнаго хода, сталъ обходить по стѣнѣ городъ, при чемъ одинъ изъ осаждающихъ, «стрѣлявши неразумнѣ», попалъ стрѣлою подъ лѣвый глазъ образнаго лика—и ликъ, обратясь къ городу, источилъ слезы, отертыя фелонью архіепископа⁽³⁸⁾. Съ той поры этотъ образъ именуется образомъ *Знаменія* т. е. чуда; празднество же ему, *доло не признававшееся землею Суздальскою* ⁽³⁹⁾, ежегодно совершается теперь во всей Россіи—27 ноября.

Впрочемъ, блистательная побѣда новгородцевъ, отдаливъ опасность, угрожавшую свободѣ ихъ, все таки не избавила Новгородъ отъ вліянія Андреява, потому что, съ одной стороны, смерть нпзложеннаго вел. князя Мстислава, послѣдовавшая въ томъ же 1170 г., а съ другой дороговизна въ Новго-

(38) Сказаніе о повгородской чудотворной св. иконѣ Знаменія Божіей Матери, соч. свящ. П. Тихомирова. Изд 1861 г. стр. 17—20.

(39) «Андрей Боголюбскій», М. Погодина. См. Москвитянинъ. 1819, № 19, с. 191.

родѣ, лишенномъ, по милости Андреевой, всякаго подвоза припасовъ, заставили Новгородцевъ не только *показать путь* защитнику своему кн. Роману, но просить новаго князя у того же Андрея, и хорошо еще, что имъ удалось принять присланнаго Андреемъ Рюрика Ростиславича «на всей волѣ своей». Но воли новгородская не правилась князьямъ: кн. Рюрикъ, отнявъ посадищество у Жirosлава, тогда же бѣжавшаго въ Суздаль, самъ добровольно покинулъ Новгородъ въ 1171 г., и новгородцы, снова обратясь за княземъ къ суздальскому самовластцу, получили отъ руки Андреевой, вмѣсто князя, того же Жirosлава. Стало быть, Андрей, спокойный теперь за повиновеніе ему Новгорода, свободнѣе могъ приводить и другихъ къ такому же повиновенію, а потому, послѣ довольно неудачнаго похода сына своего Мстислава на камскихъ болгаръ, начатаго и конченнаго въ 1172 г., онъ снова устремилъ вниманіе на Кіевъ, гдѣ по смерти Глѣба Юрьевича въ 1173 г., вокняжился братъ бывшаго вел. кн. Изислава, Владиміръ Мстиславичъ Волинскій.

Собственно говоря, поступокъ князя Волинскаго былъ исполнѣ законенъ, потому что Владиміръ Мстиславичъ, потомокъ *старшаго* Мономаховича, имѣлъ гораздо больше правъ на кіевскій столъ, чѣмъ самъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, и воспользовался

правомъ своимъ на основаніи того же самаго представленія о старшинствѣ дядей надъ племянниками, какимъ прикрывался не такъ давно и Андрей Юрьевичъ, ратуя противъ Мстислава. Но такъ какъ законность какихъ бы то ни было правъ была дѣйствительною въ глазахъ Андреевыхъ только тогда, когда относилась лично къ нему, и переставала быть законностію, если касалась другихъ, то, въ этомъ смыслѣ, поступокъ кн. Волинскаго долженъ былъ показаться князю суздальскому не иначе, какъ своеволіемъ, и конечно, не могъ придти къ сердцу Андрею, что подтверждаетъ и лѣтонисецъ, говоря: «Андрееви же не любо бѣше сидѣнне Володимере Кіевѣ, и послаше нань, *вели* ему ити изъ Кіева» (40). Однако Владиміръ умеръ въ Кіевѣ, не успѣвъ выполнить велѣнія Андреева,—и кн. суздальскій, видимо желавшій оставить за собою распоряженіе Кіевомъ, послалъ сказать Ростиславичамъ, роднымъ братьямъ стариннаго, уже умершаго подручника Андреева, Святослава: «нарекли ми есте собѣ отцемъ, а хочю вы добра, а даю Романови брату вашему Кіевъ» (41). Вслѣдствіе такого распоряженія, Романъ Ростиславичъ безпрекословно сѣлъ въ Кіевѣ, братья его: Рюрикъ,

(40) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, с. 107.

(41) Тамъ же.

Давидъ, Мстиславъ размѣстились около, и Андрей успокоился. Но едва минулъ годъ во княженію Романа, какъ допесли Андрею, что братъ его, Глѣбъ Юрьевичъ, умеръ смертью насильственной и указали убійцъ, проживавшихъ въ Кіевѣ. Андрей потребовалъ выдачи послѣднихъ и, не получивъ желаемого, велѣлъ сказать Роману: «Не ходиши въ моей волн съ братьею своею, а поиди изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода, а Мстиславъ изъ Бѣлгорода, а то вы Смоленскъ, а тѣмъ ся подѣлите». Кроткій Романъ, по прежнему, безирекословно покинулъ Кіевъ, на столъ котораго Андрей немедленно перевелъ изъ Торческа брата своего Михалко; но остальные Ростиславичи, не обинуясь, послали сказать Андрею: «брате! въ правду ты нарекли есмы отцемъ собѣ, и грестъ есмы цѣловали къ тобѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованьи, хотяче добра тобѣ; а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси изъ Кіева, а намъ путь кажеша и изъ Русьской земли, безъ нашеѣ вни; да за всеми Богъ и сила грестьяная». Не получивъ на это ни слова отъ Андрея, Ростиславичи не только выгнали изъ Кіева Михалко Юрьевича, на мѣсто котораго посадили брата своего Рюрика, но даже переманили Михалко на свою сторону, вслѣдствіе чего самовластецъ суздальскій, какъ выражается лѣтописецъ, «испол-

нився високоумья, разгордѣвся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, ражъгся гнѣвомъ». Мечникъ Андреевъ, Михна, немедленно былъ отправленъ къ Ростиславичамъ сказать отъ имени государя своего, Рюрику: «пойди въ Смоленскъ», а Давиду и Мстиславу: «не веди вамъ въ руськой землѣ быти». Этотъ повелительный тонъ самовластца суздальскаго, изумляющій даже современнаго лѣтописца, до того оскорбилъ Ростиславичей, что одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, отъ юности привычшій «не уполошиться никого же, но токмо Бога единаго блюстися», тутъ же приказалъ остричь голову и бороду послу Андрееву, а затѣмъ немедленно отправилъ его во Владиміръ, съ такимъ наказомъ: «иди же ко князю своему и рци ему: мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ». Остриженный Михна въ точности передалъ по назначенію рѣчь Мстиславу — и поблѣднѣло лицо Андреево, говоритъ лѣтописецъ. Кипя досадою, самовластецъ суздальскій снова кликнулъ кличь князьямъ - подручникамъ, снова соединилъ подъ суздальскія стяги дружины разногородныи, начальство надъ которыми ввѣрилъ, по прежнему, воеводѣ Борису Жидпславичу, а подъ нимъ сыну своему

Юрію, и двинулъ 50-ти-тысячную рать къ Вышгороду, съ повелѣніемъ: Рюрика и Давида выгнать, а Мстислава, не дѣлая ему зла, привести во Владиміръ (42).—Однако повелѣнію Андрееву не было суждено выполниться, потому что затворившійся въ Вышгородѣ Мстиславъ мужественно отражалъ суздальцевъ цѣлыя девять недѣль, по истеченіи которыхъ суздальцы, свѣдавъ о приближеніи къ Вышгороду помощи отъ Ярослава Изяславича Волынскаго, «въ смятеніи велици не могущесе удержати побѣгоша за Днѣпръ», а потомъ—«смиреніи отыдоша въ дома своя» (43).

Такая неудача, принудивъ самовластца суздальскаго безмолвно согласиться на выполненіе ряда между Ростиславичами и Ярославомъ Волынскимъ, состоявшаго въ уступкѣ первымъ послѣднему стола кіевскаго, все-таки не лишила Андрея правъ, принадлежавшихъ ему, какъ старшему въ родѣ Мономаховомъ. И когда Ярославъ Волынской, не сумѣвъ удержаться на столѣ великокняжескомъ, былъ выгнанъ изъ Кіева, Ростиславичи, вѣрные старому порядку вещей, послали къ Андрею просить кіевскаго стола брату своему Роману. Андрей отвѣтствовалъ имъ: «пождѣте мало, послалъ емь къ братѣи

(42) Тамъ же, с. 108—109.

(43) Тамъ же, с. 110

своей въ Русь; какова ми вѣсть будетъ отъ нихъ, такъ вы дамъ отвѣтъ» (44)— и не далъ никакого, потому что еще ранѣ полученія какой нибудь вѣсти отъ «братьи», собственная судьба Андреева уже совершилась.

Дѣло совершенія этой судьбы ускорилось едва ли не самимъ Андреемъ, который, временно утративъ подъ Вышгородомъ право повелѣвать южною Русью, вѣроятно, тѣмъ ревностиѣ старался удержать по прежнему за собою подобное же право хотя въ Руси сѣверной, для чего, можетъ быть, находилъ нужнымъ строже прежняго обращаться съ своими приближенными. По-крайней - мѣрѣ, извѣстно, что именно около этого времени Андрей казнилъ за что - то одного изъ Кучковичей, ближнихъ родичей своей жены, и казнь эта, конечно, могла поселить въ родичахъ казненнаго чувство мести къ казнившему и наводить другихъ приближенныхъ князя на мысль, влагаемую лѣтописцемъ въ уста одного изъ нихъ въ такой формѣ: «днесь того казнилъ, а насъ завтра; а промыслимы о князѣ семь» (45): Какъ бы то ни было, князь Боголюбскій умеръ въ своемъ Боголюбѣ насильственную смертію, обстоятельства которой, доволь-

(44) Тамъ же, т. I, 157.

(45) Тамъ же, т. II, с. 113.

но подробно изложенныя въ лѣтописяхъ, состояли въ слѣдующемъ.

Подъ вечеръ 28 іюня 1174 г., человекъ двадцать вооруженныхъ людей собрались въ домъ Андреева вельможи Петра, проживавшаго въ Боголюбовѣ, и ждали ночи. Тутъ были: Іоакимъ Кучко, родичъ Боголюбскаго; Анбаль, выходецъ изъ Яссы (Яссинъ), ключникъ и казначей князя; Ефремъ Моизичъ, вѣроятно, еврей по происхожденію, и другіе члены заговора, имѣвшаго цѣлю умыслъ на жизнь Боголюбскаго, а соучастницею — жену самого князя, умысленно выѣхавшую изъ Боголюбова передъ вечеромъ (46). Съ наступленіемъ ночи, заговорщики всею гурьбою пошли изъ дома Петрова къ дворцу княжескому, но, войдя въ послѣдній, что-то испугались и для ободренія себя спустились въ княжью медулу (погребъ) подкрѣпиться виномъ и медомъ; послѣ чего, уже пьяные, снова поднялись въ-верхъ, порѣшили тутъ дворцовую стражу и начали стучать въ дверь княжей ложницы. Пробужденный безвременнымъ шумомъ, князь спросилъ: «Кто есть?» Ему отозвались именемъ любимца его, Прокопія, и просили отворить дверь. «О паробъче! не Прокопы!» сказалъ князь бывшему при немъ

(46) Взглядъ на достопамятности Владимира, соч. Н. Д. изд. 1846 г. с. 15—1.

отроку и не велѣлъ отворять двери. Тогда заго-вошрикп сильнымъ ударомъ вышибли дверь лож-вичную и вломлись къ князю, который, вскочивъ съ постели, сталъ искать меча св. Борпса, обыкно-звенно висѣвшаго надъ его изголовьемъ, но теперь еще съ вечера припрятаннаго предусмотритель-нымъ Анбаломъ. Двое злодѣевъ немедленно схва-тили князя, но онъ началъ бороться съ ними, под-малъ одного изъ нихъ подъ себя и вмѣстѣ съ про-тивникомъ повалился на-земь. Остальные, въ увѣ-ренности, что подмятъ князя, начали терзать то-варища, скоро увидѣли свою ошибку, яростно бро-сились на Андрея, рубили его саблями, кололи копьями, а несчастный князь, естекая кровью, не переставалъ говорить злодѣямъ: «о горе вамъ, не-честивин! что вы зло учинихъ? аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомститъ вы и мой хлѣбъ!» Наконецъ, Андрей впалъ въ совершенное безчувствіе и убійцы, почтаи князя мертвымъ, спѣшили удалиться съ тѣломъ пми же истерзан-наго товарища. Однако, вскорѣ по уходѣ злодѣевъ, Андрей очнулся, приподнялся на ноги, едва-едва вы-брелъ изъ ложницы, стоная, сошелъ съ лѣстницы и у крылечнаго столба снова упалъ въ обморокъ. Между тѣмъ, убійцы возвратились въ ложницу за тѣломъ князя, ужаснулись, не найдя тутъ никого и ничего, кромѣ потековъ и пятенъ крови, стали всюду со

свѣчею искать князя и скоро набрали на кровавый слѣдъ Андреевъ. Заслыша шаги убійць, Андрей, уже полумертвый отъ нанесенныхъ ему ранъ, началъ со слезами творить предсмертную молитву, и въ такомъ положеніи— снова принявъ на себя десятки сабельныхъ и копейныхъ ударовъ, однимъ изъ которыхъ вельможа Петръ отсѣкъ князю правую руку, а другимъ кто-то угодилъ князю прямо въ сердце, и Андрей тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать: «Господи! въ руцѣ твои предаю духъ мой». Трупъ князя, кинутый обнаженнымъ въ огородъ, былъ на другой день найденъ вѣрнымъ слугою Андрея, кievляниномъ Козмою, который, плача надъ останками господина своего, проспль проходившаго мимо Анбала подать что-нибудь для прикрытія тѣла княжаго, и на отвѣтъ Анбаловъ, что тѣло Андреево выброшено на съѣденіе псамъ, съ укоромъ говорилъ убійцѣ: «о еретиче! уже псомъ выверечи! Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ (платѣ) пришелъ башеть? Ты нынѣ въ оксамитѣ (бархатѣ) стоиши, а князь нагъ лежитъ; но молются сверьзи ми что любо»,—и Анбалъ, чтобы отдѣлаться отъ укоровъ вѣрнаго слуги, выбросилъ Козмѣ коверъ. Въ этомъ коврѣ Козма принесъ тѣло Андреево въ церковь, но не впущенный сюда, положилъ ношу свою на паперть. Тутъ, по случаю всеобщаго въ Боголюбовѣ безпорядка, тѣло князя

оставалось безъ всякаго призора цѣлые два дня и только на третій было отпѣто и вложено въ каменный гробъ, а на шестой перенесено во Владиміръ, гдѣ и предано землѣ въ соборной, Андреемъ же созданной успенской церкви (47).

Такъ погибъ кн. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, замѣтный въ Русской исторіи какъ первоначальникъ великой борьбы русскихъ князей не за волости отцовскія, блюдомыя внязьями отъ Ярослава I до Мономаха, и не за старшинство между дядями, спорное отъ Мономаха до Боголюбскаго, но за порядокъ вещей, за родовое начало, противное убѣжденіямъ Боголюбскаго. Что касается лѣтописцевъ русскихъ, почти исключительно монаховъ, они, восхваляя Боголюбскаго за уваженіе къ духовному чину, за любовь къ благолѣпію церковному, за обращеніе многихъ невѣрныхъ въ христіанство, за постоянную милостыню нищимъ, единогласно говорятъ объ Андрѣѣ: «мужество и умъ въ немъ живяше... второй мудрый Соломонъ бывъ» (48).

Изъ тѣхъ же лѣтописцевъ, Татищевъ выбралъ слѣдующее описаніе наружности кн. Боголюбскаго: «ростомъ не великъ, но широкъ и силенъ вельмя; власы имѣя черны, кудряваты; лобъ высокій; очи

(47) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, с. 112—116.

(48) Тамъ же, т. I, с. 156—157.

великія и свѣтлиця» (49). Въ древнихъ русскихъ «Подлинникахъ». служившихъ сводомъ правилъ для иконописцевъ, ликъ Андрея Боголюбскаго предписывается изображать такъ, чтобы «брада» св. князя была «надсѣда, не велика, съ космачками» (50).

О числѣ браковъ и именахъ женъ кн. Боголюбскаго нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые готовы полагать, что Боголюбскій былъ женатъ три раза; другіе даютъ ему только двухъ женъ, изъ которыхъ первую называютъ иногда *Улитой Степановною Кучко*, а вторую, по большей части, считаютъ *Ясыню*, т. е. уроженкою г. Яссь. Эту Ясыню многіе признаютъ соучастницею въ убійствѣ Андрея, и Бутковъ утверждаетъ, что она была матерью младшаго сына Андреева, Юрія (51). Изъ дѣтей Андрея Боголюбскаго извѣстны исторіи: сыновья: 1) Изяславъ, †1165, 2) Мстиславъ, †1173, 3) Глѣбъ, признаваемый церковью святымъ, †1175, 4) Юрій, женатый на извѣстной Грузинской царицѣ Тamarѣ (52), и дочь Марья, по другимъ—Ро-

(49) Ист. Росс. и проч. В. Татищева, ч. III, с. 197.

(50) Историческіе очерки Русской Народной Словесности и Искусства, О. Буслаева. Изд. 1861 г. т. II, с. 230.

(51) «О бракахъ князей русскихъ съ Грузинками и Яснями» П. Буткова. См. Сѣверный Архивъ 1825, № 4, стр. 326—327.

(52) «Свѣдѣніе о Грузинской царицѣ Тamarѣ въ древней русской литературѣ». I Броссе. См. Ученныя Записки Имп. Акад. Наукъ по перв. и трет. отдѣл., т. I, вып. 4. Изд. 1853.

стислава, выданная въ 1159 г. за князя Святослава Владиміровича Вщижскаго.

Русская церковь причислила кн. Андрея Боголюбскаго къ лику святыхъ. Мощи его, положенныя на вскрытіи съ 15 окт. 1602 г., перенесены съ 1774 г. въ сѣверный придѣлъ владимірскаго успенскаго собора, освященнаго во имя благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго, и находятся здѣсь, у сѣверной стѣны, въ красивой серебряной ракъ, устроенной для нихъ съ 1820 г. На ракъ этой шесть медальоновъ, съ шестью надписями, изъ которыхъ первая въ слѣдующихъ стихахъ:

Богъ дивный во святыхъ,
Хранить вся кости ихъ,
И ни единая отъ нихъ не сокрушится:
Да имя Божіе святится!
Зрѣть тлѣнное нетлѣннымъ существо—
Невѣрію соблазнъ, а вѣрѣ торжество.

Мы вѣруемъ и зримъ обѣтъ Господня слова.
Нетлѣнна плоть твоя, великій князь Андрей!
Въ защиту русскихъ странъ и въ славу ихъ царей,

И здѣшнихъ жителей въ отраду,
На утвержденье граду
Въ которомъ мирно ты внязиль

И мученически животъ свой положилъ,

И возлетѣвъ въ страны незримы.
Прими отъ насъ мольбы, Боголюбимый
И къ Богу принеси—
Живущему на небесахъ.

Другая стихотворная надпись къ мощамъ св. Андрея, начертанная на столбѣ, у котораго помѣщается прежняя рака этихъ мощей, сочинена, какъ гласитъ преданіе, самою императрицею Екатериною II, въ 1768 г., и тогда же прислана ею изъ Царскаго - Села Владимірскому епископу Павлу. Вотъ она:

Хотя кто правъ живетъ, хоть свято,
Но если злоствуютъ сердца,
У нихъ какъ-бы въ законъ принято,
Того згубити до конца.
Примѣръ тому моя кончина:
Ей зависть съ злобой есть причина.
Я правъ,—тираненъ какъ злодѣй
Отъ злобныхъ сродныхъ мнѣ людей (53).

Мощи св. Андрея одѣты въ зеленую парчу, сшитую изъ порфиры императрицы Елизаветы Петровны; на головѣ князя бархатная малиновая шапка, съ перекрестьемъ изъ золотаго позумента (54).

Исторически извѣстно, что убійцы кн. Андрея

(53) Взглядъ на достопамят. Владиміра, с. 56—58.

(54) Церк. историч. опис. Владим. достопамят. с. 84.

Боголюбскаго не избѣжали возмездія за злодѣяніе свое и были одинъ за другимъ переказаны братьями и преемниками Андрея, Михалкомъ и Всеволодомъ. Но народное преданіе хранитъ бѣльшія подробности о судьбѣ убійцъ Андреевыхъ. Указывая на озеро *Поганое* или *Поганецъ*, находящееся верстахъ въ семи отъ Владиміра, по большой муромской дорогѣ, преданіе говоритъ, что въ это озеро была брошена, съ жерновомъ на шеѣ, клятвопреступная жена Андреева, отчего и прозвалось оно *Поганымъ* (55). Другое озеро, тоже верстахъ въ 7 отъ Владиміра и неподалеку отъ лѣваго берега Клязьмы, молва зоветъ *Пловучимъ*, потому что по поверхности его плаваютъ отъ берега до берега мшистыя земляныя глыбы; а народное преданіе не только видитъ въ этихъ глыбахъ короба, съ зашитыми въ нихъ тѣлами убійцъ Андреевыхъ, но даже слышитъ глухіе стоны, раздающіеся изъ этихъ коробовъ ежегодно въ ночь на 29 іюня, т. е. въ годовщину смерти св. князя...

М. Д. Хмыровъ.

